

ЦАРЕУБИЙЦА

*Подлинные мемуары
графа Орлова*

Алексей Орлов

**Цареубийца. Подлинные
мемуары графа Орлова**

«Алисторус»

2018

УДК 82-94
ББК 85.374

Орлов А. Г.

Цареубийца. Подлинные мемуары графа Орлова / А. Г. Орлов — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-89-0

Граф Алексей Орлов прежде всего известен тем, что он был одним из главных организаторов дворцового переворота, который привел на престол Екатерину II. Вскоре после этого ее муж Петр III был убит при непосредственном участии Алексея Орлова, так что многие обвиняли последнего в цареубийстве. В мемуарах графа Алексея Григорьевича Орлова, записанных его секретарем, излагается собственная версия этих событий; кроме того, рассказывается о многих других деяниях автора мемуаров – о похищении «княжны Таракановой», претендующей на русский престол, о войне с турками на Средиземном море, о любовных историях графа и его жизни в Москве, подлинным хозяином которой он был на рубеже XVIII–XIX веков. Эти записи, впервые представленные в полном виде в данной книге, дополнены воспоминаниями другого незаурядного человека – Ивана Саввича Брыкина, прожившего более ста лет (1706–1821), восемьдесят из которых он был смотрителем императорской резиденции под Москвой. Его мемуары содержат бытовые подробности жизни 10 российских императоров, от Петра I до Александра I, которых Брыкину довелось видеть.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-907028-89-0

© Орлов А. Г., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Граф Орлов	7
Предисловие	8
Именины	9
Охота на медведя	18
Соперник	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Цареубийца

Подлинные мемуары графа Орлова

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Граф Орлов
*(Воспоминания об удивительной жизни
графа Орлова, записанные его секретарем)*

Предисловие

Последние шесть лет жизни графа Алексея Григорьевича Орлова я состоял при нём на службе. Впрочем, это нельзя было назвать службой в полном смысле слова, поскольку у меня не было определённых обязанностей, так же как присутственных дней. Имея характер жизнерадостный и деятельный, граф Алексей Григорьевич иногда тем не менее впадал в глубокую хандру, которую не могла развлечь даже единственная и горячо любимая им дочь Анна. В это время он приглашал меня для разговоров и бесед, в которых изливал желчь, накопившуюся у него в душе.

С другой стороны, графу нравились рассуждения о науке и искусстве, о которых он имел смутное представление из-за недостатка образования, полученного в юности, однако относился к ним с великим уважением, подкрепляя оное значительными пожертвованиями в пользу соответствующих учреждений и частных лиц. Немало часов мы провели с ним в подобных беседах.

Случалось, граф Алексей Григорьевич звал меня и в часы веселья, когда он предавался ему в узком домашнем кругу. В отличие от праздников, которые граф проводил для специально приглашенных гостей, в числе коих бывали и царственные особы, его домашние праздники не были столь пышными и широкими, однако куда более искренними. Не опасаясь чужих ушей, он позволял себе откровенные высказывания, а иной раз обращался к воспоминаниям о своей жизни, полной удивительных событий.

Незадолго до смерти граф Алексей Григорьевич отметил своё семидесятилетие: вначале с приглашенными гостями, а через пару дней – в домашнем кругу. Будто предчувствуя скорую кончину, он был особенно разговорчив и рассказал много такого, о чём раньше умалчивал. К счастью, я догадался записать его воспоминания, несколько дополнив их тем, что слышал ранее, и в таком виде представляю нашей читающей публике.

Остаётся добавить, что дело происходило в сентябре 1807 года, вначале в подмосковной усадьбе графа на Донском поле, а потом – возле Чайного домика в Нескучном саду, ещё одном графском имении, расположенном по соседству с первым.

Именины

Именины графа Алексея Григорьевича отмечались в конце сентября, но недели за две до этого он тяжело захворал. Его дочь Анна ухаживала за ним, как усердная сиделка, – трогательно было видеть такую заботу об отце. Он женился, когда ему было уже далеко за сорок; в браке у него родилось двое детей, дочь и сын, рождение которого унесло жизнь жены графа, а менее чем через год скончался и младенец.

Дочь свою граф Алексей Григорьевич любил всем сердцем; примечательно, что после её рождения императрица Екатерина лично приехала поздравить Алексея Григорьевича, но прибавила при этом: «Как было бы хорошо, если бы родился мальчик. Боюсь, граф, вы не способны воспитывать девочек, и поэтому желала бы вам сына, которому вы могли бы служить примером».

Государыня ошиблась: редко можно было встретить отца, столь же нежно и трепетно заботившегося о своей дочери, как граф Алексей Григорьевич. Он дал ей превосходные воспитание и образование, так что в Москве она считалась лучшей невестой не только из-за богатства отца, но и в силу свойств её характера, ума и поведения.

Граф Алексей Григорьевич Орлов, начало 1800-х годов

Граф называл её «Нинушкой», с ударением на «у», а она с неподдельной любовью величала его «батюшкой», но обращаясь при этом на «вы». Когда он недомогал, она дни и ночи сидела возле его постели, да он никого другого и не допустил бы до себя, не доверяя лекарям и ругая их шарлатанами.

...Я зашёл навестить графа на второй или третий день его болезни. Графская спальня находилась на втором этаже господского дома (как уже было сказано, мы жили тогда на подмосковной даче Алексея Григорьевича на Донском поле). Дом этот был построен специально для графа знаменитым нашим зодчим Казаковым, который постарался учесть все прихоти хозяйина: Алексею Григорьевичу нравились комнаты округлые, без углов, но с множеством окон, поэтому Казаков второй и третий этажи выстроил в форме ротонд, окруженных колоннами.

Здесь и была спальня графа, где стояла его кровать французской работы, весьма красивая и дорогая, а около неё – большое кресло, в котором сейчас дремала молодая графиня. На столике горела свеча под зелёным абажуром, через окна лился лунный свет.

Мягко ступая по персидским коврам, лежащим на наборном деревянном полу, я неслышно подошёл к кровати, однако граф тут же открыл глаза:

– А, господин философ! – он звал меня так потому, что когда-то я окончил философский факультет Московского университета. – Поболтать пришёл? Что же, давай поболтаем, а то лежу тут и помираю от скуки.

– Батюшка, вам не надо разговаривать, – встрепенулась молодая графиня. – Надобно беречь силы.

– Полно, Нинушка, жизнь прошла, а для того чтобы умереть, кому сил не доставало? – возразил граф.

– Батюшка! – с укором произнесла она и недовольно взглянула на меня: – Вы, Алексей Андреевич, лучше бы сказали ему, что нужно отменить приглашение на именины, пока не поздно: где уж нам теперь гостей принимать!

– Глупости! – перебил он её. – Что в Москве подумают, если граф Орлов от своих именин откажется? Когда мне пятьдесят было, вся Москва месяц гуляла; шестидесятые свои именины я пропустил из-за императора Павла Петровича, который не мог мне простить смерти отца своего, такого же сумасшедшего, как он, и вынудил по заграницам скитаться, – так неужели я семидесятые именины пропущу? Да если бы у меня лишь последнее дыхание осталось, так и на нём именины справил бы. И не спорь со мною напрасно, Нинушка, – как я сказал, так и сделаю, ты меня знаешь!

Графиня Анна Орлова, дочь Алексей Григорьевича

После этой тирады граф ослабел и уронил голову на подушку; графиня Анна Алексеевна вытерла ему пот со лба и дала отпить глоток какого-то снадобья из фарфоровой чашки. Грудь графа тяжело вздымалась, его лицо побледнело, а руки судорожно перебирали одеяло; он был действительно очень плох.

– Ваше сиятельство, – сказал я, когда ему немного полегчало, – если вам угодно узнать моё мнение, именины отметить нужно, поскольку приглашения уже разосланы, однако не стоит

их растягивать. Пышное празднество вряд ли уместно сейчас, когда всего три месяца прошло после заключения мира¹, окончившего злополучную для нас войну с Наполеоном в Австрии и Пруссии, и многие московские семьи ещё не сняли траур по погибшим мужьям, сыновьям и братьям своим. Наполеон подобно...

– Наполеон! Что такое Наполеон?.. – перебив меня, презрительно фыркнул граф. – Воевать разучились, вот что я скажу. При матушке-императрице такого позора не было: тогда ни одна пушка в Европе без нашего позволения выстрелить не смела. А ныне измельчала Россия и люди стали не те, – граф махнул рукой. – Ну да ничего, не такое переживали, переживём и это! Российские жернова всё перемелют, одна мука останется.

– Батюшка, умоляю, прислушайтесь к словам Алексея Андреевича, – вмешалась молодая графиня.

Главный дом усадьбы графа Орлова на Донском поле в Москве

Граф задумался.

– Ладно, будь по-вашему, – наконец согласился он с видимой неохотой. – Но в самый день именин ни в чём меня не ограничивайте: может, в последний раз их справляю.

---

¹ Мир, заключенный 25 июня 1807 года в Тильзите между его императорским величеством Александром I и Наполеоном Бонапартом. – Прим. Алексея Кривошеина.

* * *

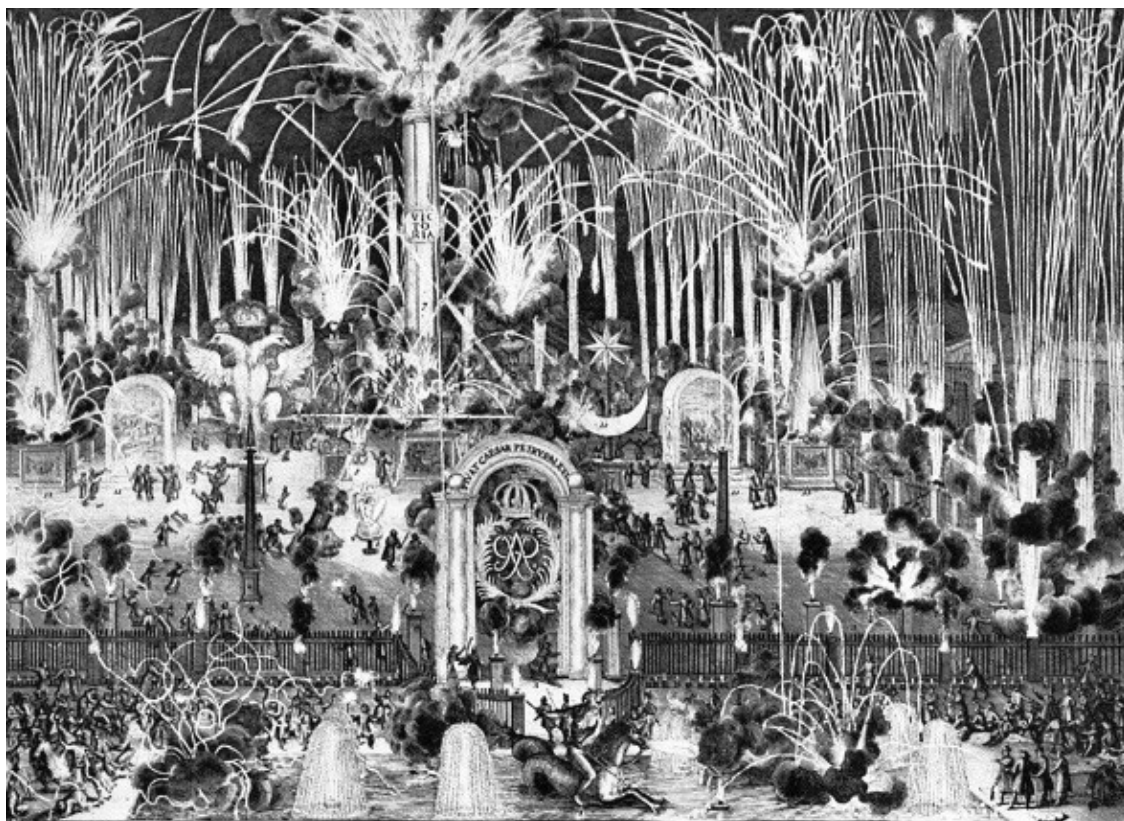
Накануне именин графу Алексею Григорьевичу всё ещё было плохо, но утром он встал с постели бодрым и свежим, будто совсем не болел, – а когда он вышел в парадном мундире при всех регалиях, никто не усомнился бы, что это прежний граф Орлов, вершитель судеб России, имя которого навеки вписано в историю её.

На дачу графа на Донском поле приглашены были только знатнейшие особы по билетам. Прочих гостей поручено было угощать в Нескучном саду, доставшемся Алексею Григорьевичу от брата его. От Калужских ворот до Донского поля и Нескучного сада по обеим сторонам дороги сделаны были перила, сплошь уставленные зажжёнными площадками. На самой дороге стояли триумфальные ворота, освещённые разноцветными фонарями. В эти ворота проезжали кареты, тянувшиеся длинной цепью от Москвы до Донского поля.

Господский дом со всеми строениями, равно и прекрасный сад с деревьями, иллюминирован был удивительно. В разных местах представлялись огненные фонтаны, как будто изливающие вверх блестящее золото. Прибытие гостей возведено было пушечной пальбой и фейерверком, чудесным образом составившим в небе надписи «А.О.» и «70».

В доме начался великолепный бал, который окончился лишь на рассвете, но многие из гостей уехали лишь к вечеру; никого не выпроваживали, чтобы каждый мог вволю насладиться всеми прелестями праздника.

Граф Алексей Григорьевич не спал ни минуты на протяжении суток, однако сохранял прежнюю бодрость, на что не все, даже молодые, его гости оказались способны. Более того, на следующий день, отдохнув часов пять или шесть, он пожелал продолжить празднование в узком кругу, перенеся оное в Нескучный сад, откуда открывается великолепный вид на Москву – от Кремля до Воробьёвых гор.

Фейерверк в Москве

Для домашнего праздника граф переоделся и был теперь в русской рубаше из белого шёлка, плисовых алых шароварах, в таком же кафтане и сафьяновых красных сапогах. Парик, который он по старой моде надевал в торжественных случаях, был снят, пудра с лица смыта, так что явственно был виден глубокий шрам на левой щеке – след от раны, полученной в молодости.

Стол, выставленный на лужайке возле Чайного домика, – небольшого, но красивого здания с четырьмя коринфскими колоннами, – ломился от всевозможных яств, преимущественно русской кухни: здесь можно было увидеть исполинскую белугу и цельных осетров на огромных золотых подносах; молочных поросят и наисвежайшие окорока; чёрную и красную икру в глубоких чашах; горы фруктов и сладких лакомств в высоких, искусно сделанных вазах из горного хрусталя, – и многое, многое, многое другое. В золотые и хрустальные графины были налиты водка разных сортов и всяческие настойки; помимо этого, стояли бутылки с французскими, итальянскими и немецкими винами.

Глядя на сие изобилие, я недоумевал: зачем нам столько? Ведь нас было всего четверо: сам граф Алексей Григорьевич, племянник его Григорий Владимирович, сын младшего из пяти братьев Орловых (старшие братья Иван и Григорий, а также Фёдор, следующий за Алексеем Григорьевичем, уже умерли, а младший брат Владимир безвыездно жил в своём имении, совершенно разочаровавшись в людях), затем графиня Анна Алексеевна и я. Моё недоумение разъяснилось, когда после первых заздравных речей в честь графа в саду зазвенели гитары и бубны и полились цыганские песни. Надо сказать, что Алексей Григорьевич очень любил цыганские песни и танцы: именно благодаря ему они стали любимы и в Москве, ибо это он привёз к нам первый цыганский хор из Валахии.

Бал в дворянском доме

Поняв, что цыгане тоже будут гостями на празднике, молодая графиня с неудовольствием заметила:

– Батюшка, вы нездоровы и устали за эти дни, а с цыганами снова будет гуляние до утра. Вы губите себя.

– В последний раз, Нинушка, в последний раз, – вздохнул граф. – Эх, не понимаешь ты пения цыганского – в нём сама душа поёт, радуется и тоскует! С такой песней и смерть сладка, – правда, племянничек? – взглянул он на Григория Владимировича.

– Наверное, – кивнул тот, впрочем, довольно холодно. – В этом есть что-то первозданное, впрочем, много заимствовано от испанцев.

– Ты у нас большой знаток иностранщины, недаром тебя за немца принимают, – насмешливо сказал граф (Григорий Владимирович был высокого роста сухощавым блондином с бледным лицом и оловянными глазами) и крикнул цыганам: – Эй, ромалы, ну-ка погромче! Гряньте так, чтобы черти в аду сдохли!..

Вскоре графиня Анна Алексеевна покинула нас, сказав, что у неё голова разболелась; граф не возражал. Сразу же после её ухода он пригласил цыган к столу и принялся угощать их. Между тем уже стемнело, на ясном небе зажглись звёзды: наступила прохладная осенняя ночь. Цыгане разожгли костры, и мы уселись перед огнём.

– Что ты всё молчишь, господин философ? – спросил он меня. – Или тебе тоже цыганское пение не нравится?

– Напротив, я большой его любитель, ваше сиятельство, – ответил я. – Не знаю, каким образом, но этот неучёный народ постиг глубинные тайны души человеческой – и радость, и тоску её, как вы правильно изволили заметить. В простых цыганских песнях есть такое откровение, которое ни вера, ни наука не способны постичь – разве что искусство.

– Вот молодец! – сказал граф и расцеловал меня. – Я тебя тоже порадую... Ляля, Ляля, Лялечка! – позвал он. – Иди к нам, моё солнышко, спой для меня и моего сердечного приятеля Алексея.

К. Швенигер. Галантное общество в парке

Молодая цыганка подошла к нам и весело взглянула на графа:

– Для такого барина до утра петь буду. Какие песни хочешь услышать? Грустные или задорные?

– Давай задорные, – вместо графа ответил Григорий Владимирович, заметно оживившийся при виде цыганки. – На вот, прими десять рублей от меня.

– Э, нет, от тебя не приму – ты хоть и Орлов, да не тот, – дерзко ответила Ляля. – Я для настоящего графа Орлова спою.

Григорий Владимирович смутился от таких слов, а граф расхохотался:

– Цыганку не купишь! Она сама выбирает, кого своим вниманием одарить... Пой, Ляля, пой!..

Охота на медведя

После пения Ляли он ещё более оживился, потрянул головой и воскликнул:

– Аж кровь в жилах закипает, будто помолодел на пятьдесят лет! Юность вспомнилась, благословенное житие наше в родовой тверской деревеньке: мы с братом Иваном и Григорием лихо тогда жили!.. Жаль, что твой отец, – обратился он к Григорию Владимировичу, – поздно родился и в наших забавах не участвовал... Ну что ты опять морщишься? Ты же Орлов, в тебе тоже должен наш природный кураж быть! Без него чего бы мы стояли? С ним на высоты вознеслись, а бывало, он нам жизнь спасал. Знаешь, как наш дед, а твой прадед, плахи избежал? Служил он стрелецким сотником, когда Пётр Великий только начал править Россией. Стрельцы учинили тогда против него великий бунт, за что должны были сложить головы на плахе. И вот подходит наш дед к плахе, а перед ним сам царь Пётр стоит, смотрит на казнь и своей спиной дорогу загораживает. «Отодвинься, государь, – говорит ему дед. – Здесь не твоё место – моё». А тут как раз очередная голова из-под топора палача скатилась. Дед глянул на палача с усмешкой и отбросил голову в сторону ногой: «Славно рубишь, брат, – уж постарайся так же и для меня!» Царю Петру так понравилось это бесстрашное озорство, что он приказал деда помиловать.

А. Деходенк. Цыганский танец

...Да, без куража в жизни некуда, без него даже на охоту не ходят, – продолжал граф, – а охота в наших краях была знатная, но самая захватывающая – на медведя... Тверские леса глухие, непроходимые, а наша деревенька среди тех лесов затерялась так, что не отыщешь. Пока отец жив был, поместье было исправное, а как умер, родственнички всё по кускам растащили. При отце они и пикнуть не смели – он был генералом, службу ещё при Петре Великом начинал, – а как умер, совести хватило обобщать вдову с пятью детьми.

Хозяйство наше было самое простое: дом – одно название, что господский, а на самом деле та же изба, только побольше и почище: строили его свои же мужики. Когда соседи оставались у нас ночевать, спать их укладывали на сеновале – больше негде было. Одевались мы в домотканину – холстину, которую нам ткали деревенские бабы, – и роскоши никакой ни в чём не знали.

Зато с мужиками у нас было полное согласие: не было такого, как ныне, чтобы господа – это одно, а мужики – другое, будто из разного народа они. Тогда о господском и мужицком одинаково заботились: наша матушка Лукерья Ивановна знала, у кого из мужиков хлеб уродился хорошо, а у кого – плохо, и давала мужикам хлеба, невзирая на то, возвращён старый долг или нет. В деревенской жизни она принимала живейшее участие: свадьба ли, крестины ли, похороны – всегда отправит подарочек со своего стола; мужики, в свою очередь, в престольные праздники и домашние наши именины к ней с поздравлениями приходили.

* * *

Мы с братьями также среди мужиков росли, во многих деревенских забавах вполне участвуя. Хаживали с мужиками и на медведя: об этом сейчас расскажу.

М. Клодт. Усадьба

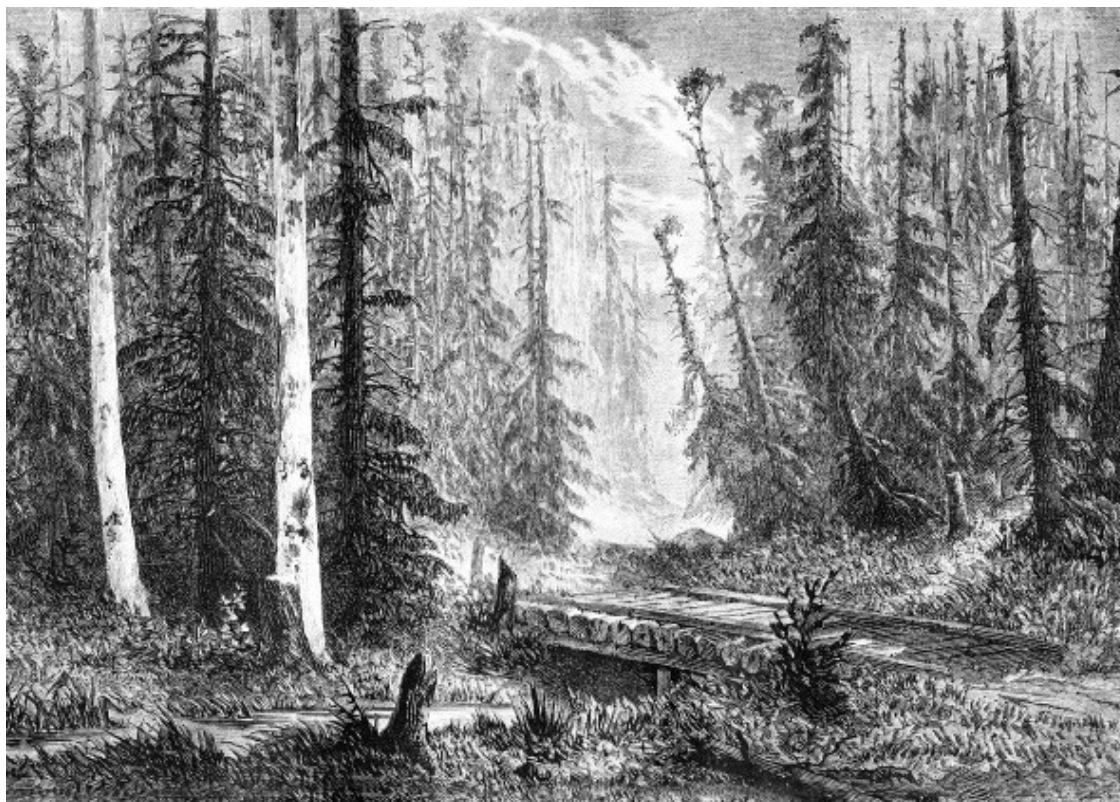
Старший брат Иван к тому времени уже в Петербург уехал, а младший, Владимир, ещё мал был, потому состояла наша компания из Григория, Фёдора и меня. На медвежью охоту мы с братьями давно хотели пойти, но матушка не позволяла: опасное, де, это дело. Однако как-то в конце зимы мужики нашли в лесу берлогу и решили бурого поднять. Тут-то мы к матушке и пристали: отпусти, мол, родная, что же это – скоро и нам в Петербург на службу отправляться, эдак мы ни разу на медвежью охоту не сходим! Как ей не согласиться? – отпустила она нас, но велела от Ерофеича, опытного медвежатника, ни на шаг не отходить.

Мы сразу к Ерофеичу побежали, а он уже собирается, готовится к завтрашней охоте.

– Разрешила, стало быть, барыня? – говорит он. – Что же, таким молодцам отчего не потешиться? Только уговор: во всём слушаться меня и никакого самовольства не допускать. Медведь – зверь опасный, от него немало народу погибло; чуть зазеваешься, пиши пропало!

Мы поклялись, что ни в чём Ерофеича не слушаемся.

– Ну, добре! Тогда давайте распределим, кому что делать. Берложья рогатина будет у меня, и я на неё медведя приму. Вот, глядите, какая она, – показывает он. – Рогатина знатная: наконечник старинный, заточенный с обеих сторон, что бритва. Поперечину я сам из рога сделал: она нужна, чтобы рогатина слишком глубоко в медведя не зашла, а то он живучий и когти у него длинные – даже издыхая, он может тебя достать... Древяшко из рябины – весной срубил и провялил, но не высушил полностью; такое древяшко прочное, не расколется, а чтобы в руках не скользило, я его – видите? – ремнями обмотал.

Русский лес. Гравюра

Есть такая байка, что рогатину в медведя вонзают, когда он на задние лапы встаёт, а для этого надо перед ним шапку кинуть. Чушь на постном масле! Медведь встаёт на задние лапы только от любопытства, а на обидчика он бросается с опущенной головой. Поэтому рогатиной его надо колоть, как копьём, в шею или сердце. Если же он от меня увернётся, мужики на него собак спустят, а собаки у нас наученные, они его к дереву прижмут, – тут надо бить вдругоряд и наверняка. Вот тогда ваш черёд настанет: ты, Григорий Григорьевич, сильнее всех братьев, потому возьми рогатину, которая у нас «догонной» называется, она поменьше, но тоже хороша – постарайся ею в печень медвежью ударить. Ты, Алексей Григорьевич, страха не ведаешь и в опасности рассудка не теряешь, так возьми нож длинный, булатный: бей им медведя, если крайность настанет! А ты, Фёдор Григорьевич, среди братьев самый быстрый и ловкий, – так вот тебе острый кол: им можно медведя под удар направить, а куда – на месте смекнёшь... А теперь ступайте спать, соколики, завтра до света вас подыму...

Точно, поднял он нас задолго до рассвета, – а на улице уже мужики с собаками ждут, – и пошли мы в лес. Идти было тяжело: снег глубокий, ноги проваливаются даже в снегоступах,

а тут ещё ветер поднялся, с вершин елей снежные комья падают. Но мы идём, усталости в помине нет, – скорее бы до места добраться!

– Эх, как бы медведь на меня вышел! – говорит Григорий, а у самого глаза блестят. – Я бы его голыми руками завалил. Что мне медведь: я могу кулаком быка убить!

– Да я бы не сплеховал, – вторит ему Фёдор. – У меня такой силы нет, но ловкость тоже не последнее дело.

– Не спорьте, братья, – успокаиваю я их. – Мы – Орловы, и сама фамилия нас первыми быть обязывает. Я буду не я, если мы себя не покажем...

– Эй, соколики, чего расшумелись? – поравнялся с нами Ерофеич. – Не терпится? Скоро уже... Видите, дерево вывороченное лежит? Вот под ним бурый берлогу себе вырыл. Нипочем мы его не нашли бы, если бы не оттепель: медведь в оттепель просыпается и выходит подкормиться; по следам его и нашли. Хитрый зверь: возвращался он задом наперёд, чтобы следы запутать, – ну, да мы тоже не лыком шиты...

В. Муравьев. Медведь в лесу

Подходим к берлоге; собаки оцетинились и глухо эдак забрехали.

– Тихо, волчья сыть! – цыкнул на них Ерофеич. – Ваше время ещё не пришло... Ну, мужики, с Богом! Поднимайте бурого... Я впереди встану с рогатиной, а барчуки за мной в ряд.

Мужики подошли к дереву и давай под корни колыями тыкать. Мы изготовились, но вначале ничего не было: зверь не выходит, и всё тут! С четверть часа, наверное, это продолжалось, а потом вдруг как выскочит медведь, но не из-под корней, откуда мы его ждали, а со стороны.

– С запасного хода пошёл! – крикнул Ерофеич. – Теперь держись! Собак спускайте, собак!

Собаки на медведя набросились; он до толстой ели добежал, сел к ней спиной и отбивается. Удары страшные наносит: одна, вторая, третья собака с визгом отлетели, а он ощерился и ревет – здоровенный медвежина, аж страсть!

Ерофеич, однако, не растерялся: подскочил к нему и вонзил-таки рогатину в грудь. Медведь ещё громче взревел, махнул лапой, ударил по рогатине – и Ерофеич на ногах не удержался, упал. Тут зверюга на него кинулся, ломать начал, но Григорий вовремя подоспел: воткнул рогатину прямо медведю в печень и держит. Но зверь и здесь не сдался: не знаю, как он вывернулся, однако в одно мгновение оказался прямо перед нами. В кровище весь, но прёт на нас, разъярённый, отомстить хочет за свою погибель.

Фёдор как завопит и острым колом в морду ему вдарил; медведь повернулся и на мгновение снова грудь под удар открыл – вот тут-то мой черёд и настал: нож мой вошёл точно в медвежье сердце! Издал зверюга предсмертный рык и упал, но всё-таки достал меня когтями напоследок. Вот она, зарубка медвежья, – граф закатал рукав и показал шрам, – на всю жизнь осталась... А шкуру его мы домой принесли и на стену повесили: она всё место от пола до потолка заняла. Матушка заохала: «Знала бы, что вы на такое чудовище пошли, никогда бы не отпустила!»

К. Высотский. Былая потеха (На медведя с рогатиной)

Ерофеич после той охоты нас зауважал, а ко мне в особенности проникся. Когда я в Петербург на службу поехал, Ерофеича матушка со мной отправила: был он мне и дядька, и слуга верный, а после спас от смерти в Чесменском бою, свою жизнь за мою отдав, – впрочем, это я далеко вперёд забежал – если уж рассказывать, то всё по порядку.

Соперник

– Покажи медвежью зарубку ещё раз, – сказала Ляля, подсевшая к нашему костру и внимательно слушавшая рассказ графа.

– Смотри, – он опять закатал рукав. – Зачем тебе?

– А вот зачем, – поцеловала шрам Ляля.

– Голубка ты моя! – обнял её граф. – Как бы мне годков двадцать скинуть, увёз бы я тебя куда-нибудь на край земли – ей-богу, увёз бы!

– Сейчас увези! – возразила Ляля. – Какой ты старый, ты моложе молодых, – она покосилась на Григория Владимировича.

Тот закашлялся:

– Однако холодает... Не зайти ли нам в дом?

– Иди, мне не холодно, – отказался граф. – Эй, кто там у стола?.. Водки мне большую рюмку и закусить!.. Выпьешь со мной, господин философ? – спросил он меня.

– Не откажусь, – согласился я.

– И я выпью. Дайте и мне водки, – внезапно попросил Григорий Владимирович.

– Это по-нашему! – обрадовался граф. – Узнаю орловскую породу.

– И мне дайте, – как не выпить с таким барином? – проговорила Ляля, опустив голову на плечо Алексея Григорьевича.

– ...А теперь песню – удалую цыганскую песню! – сказал граф, когда мы выпили и закусили. – А ты спляши, Ляля, потешь моё сердце!

– Потешу я твоё сердце, Алексей свет Григорьевич! – Ляля встала у костра и крикнула что-то цыганам на их языке. – Смотри же, как Ляля для тебя плясать будет!

К. Маковский. Танцующая цыганка

Цыгане заиграли и запели, вначале медленно и тихо, потом всё быстрее и громче, – и так же медленно, а потом всё быстрее плясала Ляля. В её танце не было правильности, не было

определённых фигур и движений, но сам он был одно движение. Искры от костра взлетали к небу, огонь то разгорался, то затухал, и всё это – музыка, песня, танец и огонь костра – сливалось в какую-то невообразимую и необыкновенно притягательную пляску, на которую хотелось смотреть ещё и ещё, так что, когда резко оборвался последний звук гитары, я невольно вздохнул.

Граф был в восторге:

– Ах, ты, голубка черноокая!.. Возьми от меня этот перстенёк за дивное умение твоё, – он снял перстень с бриллиантом со своего мизинца.

– Нет, Алексей Григорьевич, не возьму – не обижайся, барин милый, но не ради такой награды я плясала, – отказалась Ляля. – Ласковое слово твоё дороже стоит.

– От графа Орлова не берёшь? – сказал Григорий Владимирович, усмехаясь.

– Многие от графа Орлова подарки получали, а я не взяла – разве это не большего стоит? – тряхнула прядями чёрных волос Ляля.

– Ай да Ляля, – тоже ведь философ, а? – граф посмотрел на меня.

– Ещё какой, ваше сиятельство, – согласился я.

– Хочешь послушать далее про жизнь мою? – спросил граф, обнимая цыганку и сажая её возле себя. – Не скучно тебе?

– Мне про тебя всё интересно, – возразила Ляля. – Где ты, там скуки нет.

– Что же, слушайте дальше... В Петербурге меня определили в кадетский корпус, но недолго я там оставался – и возраст был не тот, и к зубрёжке охоты не было, а по-другому там не учили: знай, зубривай всё наизусть. Да и учителя были хуже некуда: бывшие кадеты, которые в прапорщики не вышли и от безысходности в корпусе остались, или отставные военные, из-за своих недостатков из армии списанные. По счастью, сослуживцы отца, помнившие его по петровским походам, составили мне, как и братьям моим, протекцию: я был принят, хотя и простым солдатом, в Преображенский полк, Григорий – в Измайловский, Фёдор – в Семёновский.

Кадет в мундире. Середина XVIII века

Петербург меня так поразил, что первое время я ходил по городу разиня рот. Какой простор, какие красоты; вот уж поистине столица великой империи! Главная улица – Невский проспект – широченная и за горизонт уходит, а дома на ней только каменные, ни одного деревянного, их указом строить было запрещено. Каждый дом в два этажа и узорчатой чугунной решеткой ограждён.

На набережной тогда строили Зимний дворец для государыни-императрицы Елизаветы Петровны, а был ещё Летний, тоже удивительной красоты – с садом, галереями, террасами и фонтанами. Далее Смольный собор возводили, – тысячи солдат и мастеровых сюда согнали на работу, – и ничего величественнее этого собора я в жизни не видал. Жаль, что недостроили: в алтаре кто-то наложил на себя руки, и поэтому службу в храме нельзя было сто лет совершать...

А какая жизнь в Петербурге была: всё бурлило, всё двигалось! Днём по улице иной раз не пройдёшь, возы со всякой всячиной непрерывно тянутся, – а на Неве стоят корабли из Европы; барки, лодки, плоты сотнями места ищут у пристаней.

По вечерам в богатых домах балы и маскарады начинались один пышнее другого, и на них такая разодетая публика съезжалась – я и не знал, что такие наряды бывают! Их шили по новейшей французской моде лучшие портные из Франции: в обычай это было введено гетманом Разумовским, братом давешнего фаворита императрицы Елизаветы, и Иваном Шуваловым, новым фаворитом её, – оба были большие щеголи и модники.

* * *

Вылезши из своих лесов, я сперва чувствовал себя в Петербурге чужим: учения ведь не было у меня, считай, никакого – хорошо, хоть грамоту знал. А тут по-французски говорят, на балах танцуют, вирши пишут и высокоумные беседы ведут. Ну, кто я при этом? – медведь медведем! Однако вскоре наострился: несколько слов французских затвердил, большего по сей день не знаю, из разговоров кое-чего запомнил, а главное, танцам выучился. Ничего, обходился как-нибудь: в конце концов, от солдата учёность не требуется – были бы смелость да отвага, да верная служба российскому престолу!

Жерар де-ла-Барт. Вид Дворцовой набережной от Васильевского острова, Санкт-Петербург

Наш полк имел свои казармы, весьма приличные, но там жили офицеры и старослужащие, а солдаты и новички квартировались отдельно, кто где мог, и надзора за ними не было никакого. Служба была неутомительной: надо было лишь являться на дежурства, смотры и парады – а в остальном живи, как хочешь.

Мы, гвардейцы, всегда были на особом положении, так со времён Петра повелось. Офицерские звания в гвардии были выше армейских, жалованье тоже больше, но, главное, мы при высочайших особах службу несли, при самом императорском дворе. Гвардия могла в любой момент потрясение в верхах государства произвести – и производила! Начиная от Екатерины Первой ни одно восшествие на престол без гвардии не обходилось, и государыню Елизавету Петровну тоже гвардейцы в императрицы произвели. А далее Екатерину Вторую единовластной правительницей сделали – но об этом речь впереди, не буду опять-таки забегать...

В Петербурге мы были полными хозяевами: куда ни придём, нам должны оказывать почёт и уважение, потому что гвардейцы во всём первые. Тогда повсюду бильярды поставили – и в трактирах, и в гостиницах, и даже в весёлых домах столы бильярдные стояли. Мы с братьями Григорием и Фёдором в «пирамиду» с шестнадцатью шарами изрядно играть научились и всех

обыгрывали, однако был у нас соперник – Александр Шванвич, который, впрочем, не только в бильярде, но и в иных забавах нас превосходил.

Сейчас о нём уже забыли, но в своё время в России не было не знавшего его человека. Отец Шванвича, именем Мартын, был из учёных немцев – в Россию он приехал при Петре Великом. Здесь женился, а восприемницей его сына Александра была сама Елизавета Петровна, будущая наша императрица. Взойдя на трон, не забыла она своего крестника, и Шванвич был определён в Лейб-компанию – личную дворцовую охрану императрицы. Лейб-компанцы в званиях выше нас, гвардейцев, были – Шванвич, скажем, простым гренадером служил, но чин этот равен был армейскому поручику, – но мало того, они и во всём другом превзойти нас стремились: хотели доказать, что не гвардейцы, а лейб-компанцы в Петербурге главные.

Офицеры Преображенского полка в середине XVIII века

У нас постоянно стычки происходили, но если в них Шванвич участвовал, наши гвардейцы бывали битыми: уж очень силен он был, один мог пятерых раскидать, к тому же саблей и шпагой владел мастерски. В одиночку с ним даже Григорий не мог справиться, но вдвоём мы Шванвича одолеть могли, что на деле доказали. Григорий играл как-то в трактире на бильярде с одним своим измайловцем – вдруг заходит Шванвич, а с ним лейб-кампанцы, все пьяные; они идут прямо к столу, и Шванвич предерзко заявляет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.